

18+

MalutkaSemen

Элизабет Боун - Небытие

«Автор»

2026

MalutkaSemen

Элизабет Боун - Небытие / MalutkaSemen — «Автор», 2026

«Ты всего лишь служанка». «Ты никто». «Твоё место в грязи». Элизабет слышала эти слова всю жизнь. Отец, хозяйка, старшая служанка, жена лорда — все твердили одно и то же. Но лорд Эдвард смотрел иначе. Элизабет выжила. Вернулась. И доказала всем, что даже «никто» может стать той, кем захочет. История о преодолении, любви и праве на счастье.

© MalutkaSemen, 2026

© Автор, 2026

MalutkaSemen

Элизабет Боун - Небытие

Глава 1. Билет в рай

Судьба — или Бог, если он существует — распределил так.

Папенька, с которым мы жили, не мог сделать детей с нашей мамой. Но он очень хотел их. Маменька, не видя другого пути, спала фактически в открытую со всеми подряд. Я это ясно помнила, потому что в нашу хату часто приходили мужики — те, с кем мы работали в поле. Они делали это с матерью, пока я с братишкой помогала папеньке колоть дрова, набирать воду и всё такое.

Я была маленькой, но запомнила. Их грубые руки. Их пьяные голоса. Стоны матери, которые она пыталась заглушить подушкой. И запах — пот, дешёвый табак, перегаром.

Спустя зиму у меня появились ещё братья — совсем не похожие на нас. И так почти каждый год. Разные отцы. Разные лица. Одна мать.

С шести лет я работала в поле. Собирала и выращивала урожай, гнула спину от зари до зари. Папенька был дровосеком. Всегда возвращался злым и хмурым. Весь накопленный гнев он направлял на деревья, но охотно был готов наказывать за любую провинность — если на то оставались силы. С остальными детьми он общался с особой лаской. Моему младшему брату подарил огромный стальной топор. Другим — сладости. А меня — нарочно или нет — обделял.

Видимо, он ненавидел меня за схожесть с матерью. Та же стать. Те же глаза. Он смотрел на меня и видел её — и тех мужиков, что приходили по ночам.

Всё было обидно.

Мать переспала с каким-то торговцем — и мы все смогли перебраться ближе к городу. Но всё равно до него пешком идти было до обеда. Переехали туда, когда мне было четырнадцать. Работали всей семьёй в конюшне у одного дядьки, который явно имел на меня какие-то планы. Всё время ходил за мной хвостом, как голодный пёс. Однажды он пристал ко мне, но мать схватила его за шиворот и увела в амбар. Оттуда потом долго доносились её стоны — совсем не похожие на те, что я слышала в детстве.

Пару лет спустя, когда я в очередной раз отправилась в город за едой, встретила одну женщину. И да — туда недавно приходил огромный грузовой корабль.

В городе мне удалось закупиться за приличные пять серебряных.

Встреча

Я шла обратно, когда меня остановила она.

Роскошная. Нарядная. Таких женщин я никогда не видела. На ней было платье из тёмно-синего бархата, с высоким воротником и кружевными манжетами. Шляпка с вуалью, которая танцевала на ветру. Она пахла фиалками и чем-то ещё — чем-то незнакомым, сладким, как чужие деньги.

— Девушка, — окликнула она меня. — Ты ищешь работу?

Я замерла.

— Набираю красивых девиц в услужение. К столу. В господские покои. Ты подходишь. Я не мешкая закивала головой. Так сильно, что чуть не свернула себе шею.

Дама протянула конверт из плотной бумаги. Я взяла — пальцы дрожали.

— Подойди завтра на рассвете к воротам поместья Лэинов. С этим конвертом. Не опаздывай.

Она развернулась и ушла, оставив после себя шлейф духов и сомнений.

С этой чудесной новостью я побежала домой. Так быстро, как никогда в жизни. Я не обращала внимания на ушибы, которые получила из-за спешки, не чувствовала, как ветер хлещет по лицу. Только конверт — зажатый в руке, мокрый от пота — был важен.

Предательство

Мать болезненно улыбнулась, когда я показала ей конверт. Кивнула. Что-то шепнула — я не расслышала.

Папенька взял меня за плечо. Грубо. Крепко.

— Пойдём, — сказал он. — Провожу.

Я думала — он хочет выделить мне лошадь в дорогу. Или хотя бы доброе слово. На прощание.

Он завёл меня в конюшню. Даже не зажёл свечу. Я услышала, как скрипнул засов.

— Папенька?

Ни звука.

Я дёрнула дверь — заперто.

— Папенька! — закричала я. — Откройте! Я не успею!

Он ушёл.

Я колотила в дверь, пока кулаки не заболели. Потом сползла по стене, села на солому и заплакала. Рядом фыркали лошади. Я слышала их дыхание, их копыта, переступающие на месте. Мне казалось, они смеются надо мной. Над моей глупостью. Над тем, что я поверила — можно уехать.

Я уснула в этой куче навоза и соломы. С ржущими лошадьми. С разбитой мечтой.

Кристоф

Двери открылись — скрипнули, пропуская утренний холод.

На пороге стоял мой брат. Кристоф. Тот, с кем мы прошли много чего. Я очнулась — лицо мокрое от слёз, щиплет от соломы.

— До рассвета ещё не скоро, — сказал он тревожным шёпотом. — Это твой шанс.

Он протянул мне конверт.

Я не сказала ни слова. Просто взяла. Выбежала из конюшни. Побежала к речке, упала на колени у воды и умывалась, пока лицо не начало гореть от холода.

Не одеваясь — только накинув кофту на мокрую кожу — добежала до дома. Прокралась мимо спящего отца. Схватила сапожки, сумку, свой единственный тёплый платок. Засунула конверт на самое дно — туда, где не сразу найдут.

Билет в рай.

Дорога

На рассвете я сидела в телеге с торговцем. Мужчина в потрёпанной шляпе не задавал вопросов. Только кивнул, когда я попросилась. Силы мне ещё пригодятся — нечего тратить их на ходьбу, когда можно ехать.

Телега скрипела и подпрыгивала на ухабах. Мимо проплывали поля, потом редкие дома, потом окраины города. Запахло дымом, конским навозом, печёным хлебом.

У стен города телега остановилась.

Я спрыгнула, не дожидаясь, пока торговец поможет. Побежала. Через улицу, мимо лавок, мимо женщин с корзинами, мимо мальчишек, дразнящих собаку.

Поместье Лэинов я узнала сразу. Огромные кованые ворота. За ними — парк с подстриженными кустами. И дом — такой большой, что в нём могли бы жить все из нашей деревни, и ещё осталось бы место.

Дама в бархате уже ждала у входа. Она взяла конверт, прочитала, кивнула.

— Иди за мной.

Поместье

Она провела меня через двор, мимо конюшен и кухонных пристроек. Пахло жареным мясом, свежими травами и ещё чем-то — дорогим, незнакомым.

В комнате для служанок уже стояло несколько девушек. Все в одинаковых платьях. Тёмно-серых, с белыми передниками. Простых — но таких чистых, что я боялась дышать на них.

— Это ваша форма, — сказала строгая женщина с седыми волосами, собранными в тугой пучок. — Вы не будете её снимать ни при каких обстоятельствах. Ни дома. Ни в своей комнате. Если испачкаете — будете стирать ночью, после всех дел. Поняли?

— Да, — ответили мы хором. Я тише всех.

Нас одели. Учили, как держать поднос, как входить в комнату, как отвечать, не поднимая глаз. Как не смотреть на господ. Как молчать, когда хочется говорить.

Потом повели к Графу.

Граф Эдвард Лэин

Он сидел в кресле у камина. Огонь плясал в его глазах — зелёных, как молодая трава. Блондин. Волосы зачёсаны назад, открывают высокий лоб. Бритый. Одет в чёрный сюртук, белоснежную рубашку, галстук, завязанный с такой аккуратностью, будто его завязывал не человек, а сам дьявол.

Он смотрел на нас. Каждую. Медленно. Как лошадей на ярмарке.

Две девушки не прошли. Их стало лихорадить и тошнить без видимых причин. Их увели. Граф хлопнул в ладоши — сухо, коротко.

— Продолжайте, — сказал он. Голос низкий, спокойный. Без жестокости. Без тепла.

Главная служанка повела нас по местам. Я шла последней. И когда проходила мимо кресла, Граф поднёс к носу платок. Белый. Кружевной.

И показал на меня пальцем.

— От неё пахнет.

Я замерла.

Как я могла забыть?! Я не мылась после конюшни. Только лицо ополоснула в реке. А от одежды — даже от той, в которой пришла — разило за версту.

Мытьё и Небытие

Две старшие служанки схватили меня за локти. Вывели из зала. Повели в другую комнату — с большим чугунным котлом, паром и запахом щёлочи.

— Раздевайтесь, — приказала одна.

Я разделась. Медленно. Стыдливо прикрываясь руками, хотя обе женщины смотрели на меня без всякого интереса. Как на мебель. Как на скотину, которую нужно вычистить перед ярмаркой.

Вода была горячей — почти обжигающей. Я опустила ноги в чан и замерла. Пар поднимался к потолку, застилая глаза. В комнате не было окон — только одна масляная лампа на стене, и её жёлтый свет дрожал, отражаясь в мокрой коже.

— Садись, — сказала вторая. — Голову наклони.

Я села. Вода сомкнулась над моими бёдрами, животом, грудью. Пена — настоящая, душистая — скрипела на коже. Я никогда не мылась с пеной. Это было как чудо. Как сон. Как то, чего не может быть с такой, как я.

Но внутри, под этим чудом, что-то шевелилось.

Я смотрела на свои руки — грязные, с обломанными ногтями, с мозолями, которые не смоеет никакая пена. И думала.

«Вот так, наверное, выглядит смерть, — подумала я. — Смывает всё. Грязь, запах, прошлое. Оставляет только тело. А потом и тело исчезает. И ничего не остаётся. Ни имени. Ни памяти. Только пар над водой. Только пустота».

Я закрыла глаза.

«А что, если Небытие — это как эта пена? Красивое, душистое, лёгкое. Но стоит ему исчезнуть — и ты снова голая. Снова грязная. Снова никто».

— Не спи! — одёрнула меня служанка. — Голову выше.

Я подняла голову. Пена стекала по спине, по плечам, по лицу. Я чувствовала её вкус на губах — горьковатый, мыльный.

Меня тёрли жёсткой мочалкой. Сдирали кожу. Вместе с грязью — может быть, и душу? Может быть, после такой чистоты от меня ничего не останется? Только оболочка. Только платье. Только служанка.

«Но если Небытие — это пустота, — думала я, — то почему я сейчас чувствую? Почему мне страшно? Почему я боюсь исчезнуть, если там, за чертой, ничего нет?»

Я не знала ответа.

И пена всё плыла. И пар поднимался к потолку. И где-то там, наверху, ходил по коврам Граф Лэин, даже не подозревая, что внизу, в полутёмной комнате, одна девушка впервые в жизни моется с мылом — и впервые в жизни думает о смерти.

— Готово, — сказала служанка. — Выходи.

Я вылезла из чана. Мокрая. Чистая. С пустыми глазами.

Меня укутали в простыню. Повели в другую комнату — причёсывать. Я смотрела в одну точку и не видела ничего.

«Я есть. Или меня нет?»

Вопрос остался без ответа.

Мне сделали причёску. Волосы уложили в узел, закололи шпильками. Я боялась пошевелиться — вдруг рассыплется.

Когда меня выпроводили в зал, распределение уже заканчивалось. Главная служанка посмотрела на меня так, будто я наступила ей на ногу.

— Ты, — сказала она. — Будешь кормить скот. И мыть полы. Во всём поместье. Три здания. По пять комнат каждое.

— Но... — начала я.

— Что? — она прищурилась.

Я опустила голову.

— Ничего.

Она собрала всех девушек в круг. Голос — сухой, как прошлогодняя трава — резал уши.

— Вы лишь крестьянки. А в добавок — служанки. Вы обязаны выполнять любое желание господина. Слушать указания старших служанок. Ни в коем случае не снимать эти платья и любые принадлежащие к наряду вещи. Не красть. Не лгать. В случае непослушания — наказание.

Никто не спросил — какое наказание.

Глава 3. Утро на пепле

Я проснулась от петуха.

Он орал где-то за окном — надрывисто, хрипло, как будто его резали. Я открыла глаза и не поняла, где нахожусь. Белый потолок. Чистые стены. Пахнет деревом и сушёными травами.

А потом спина напомнила.

Я села на кровати, закусила губу. Полосы горели, рубашка прилипла к рубцам. Я осторожно отодрала ткань — и зашипела. В маленьком осколке зеркала отразилась моя спина: багровая, в синих разводах, как грозовое небо.

— Ничего, — сказала я себе. — Бывало и хуже.

Бывало ли? Не помню.

Я натянула платье. Серое, грубое, но чистое. Передник завязала узлом. Волосы собрала в пучок — так, чтобы не лезли в глаза.

За окном только начинало светать. Небо было серым, с розовой полоской на востоке. Где-то внизу хлопнула дверь — кто-то уже встал.

Я вышла.

Двор

Двор поместья Лэинов просыпался медленно. Из кухни тянуло дымом и жареным салом. Конюхи уже таскали воду, перекликаясь грубыми голосами. В углу двора, у колодца, стояли три девушки в таких же серых платьях, как у меня.

Я подошла. Они обернулись.

Первая была высокой, с рыжими волосами, заплетёнными в тугую косу. Веснушки на лице. Глаза — зелёные, настороженные. Она смотрела на меня так, будто я могла украсть её место.

— Новая? — спросила она.

— Да.

— Как звать?

— Элизабет.

— А меня Мэг, — она кивнула на вторую. — Это Сью, а это Энн.

Сью была маленькой, почти такой же, как я. Тёмные волосы, серые глаза. Она улыбнулась — робко, одним уголком губ. Энн — полная, с круглым лицом и быстрыми, цепкими глазами. Она не улыбнулась. Она изучала.

— Откуда ты? — спросила Энн.

— Из деревни. К востоку отсюда.

— Далеко?

— Полдня пешком.

Мэг хмыкнула.

— И как тебя занесло сюда?

— Конверт, — сказала я. — Дама в бархате.

— А, — Энн понимающе кивнула. — Её все знают. Она ездит по деревням, выбирает. Говорят, получает за каждую девушку золотой.

— Неважно, — сказала Мэг. — Главное — не попадаться старшей на глаза. И не ныть. И работать. Много работать.

Она посмотрела на мою спину. Я невольно выпрямилась.

— Уже попадалась? — спросила она.

— Да.

— И как?

— Розги.

Мэг присвистнула. Сью побледнела. Энн отвела взгляд.

— Держись, — сказала Мэг. — Здесь это не в последний раз.

Завтрак

Нас позвали в общую столовую — длинную комнату с низким потолком и одним узким окном. Внутри стояли два длинных стола и скамьи. На стенах — подсвечники с оплывшими свечами. Запах — щи, хлеб, пот.

Девушки уже сидели, тихо переговариваясь. Я села на свободное место между Сью и какой-то пожилой женщиной с морщинистым лицом.

Нам разлили похлёбку — жидкую, с редкими кусочками мяса. Хлеб чёрствый, но я не жаловалась. Я ела медленно, чтобы растянуть удовольствие.

Сью рядом жевала молча. Иногда бросала на меня быстрые взгляды.

— Ты не боишься? — спросила она вдруг.

— Чего?

— Её. Старшей.

— Боюсь, — честно сказала я. — Но не так сильно, как голода.

Сью кивнула.

— Я тоже. Дома было хуже.

— А где твой дом?

— В деревне у моря, — она помолчала. — Там рыбой пахнет. И ветер всегда. Но мать умерла, отец женился снова. Меня не кормили. Я ушла.

Она сказала это без жалости к себе. Просто констатировала факт.

— А ты? — спросила она.

— Почти так же, — сказала я. — Только без моря. И без ветра.

Мы помолчали.

Похлёбка кончилась. Хлеб тоже.

— Сегодня стирка, — сказала Мэг из-за стола. — Нас распределили. Энн — на кухню, Сью — в конюшню, я — в прачечную. А ты, Элизабет...

Она заглянула в бумажку.

— Ты — в господский дом. Полы. Углы. И чтобы ни пылинки.

Я кивнула.

Сердце ёкнуло.

Господский дом

Я поднималась по чёрной лестнице, стараясь не шуметь. Ступени скрипели под ногами. Я несла ведро с водой и тряпку — тряпка была чистой, белой, почти праздничной.

Внутри дом пах иначе. Не как наши домики. Здесь пахло полированным деревом, воском, сухими цветами. И чем-то ещё — дорогим, далёким.

Я прошла коридор. Стены украшали картины — охота, корабли, дамы в пышных платьях. Я смотрела на них и не понимала. Кто это? Зачем? Почему они смотрят на меня с таким превосходством?

Я вошла в гостиную.

Здесь было светло. Высокие окна выходили на парк. Солнце уже поднялось, заливало комнату золотом. Ковры — толстые, мягкие. Мебель — тёмная, блестящая.

Я опустилась на колени. Опустила тряпку в воду. Начала тереть.

Пол был чистым. Я тёрла его всё равно. Потому что если не тереть — кто-то заметит. И скажет старшей. И снова розги.

Я тёрла и думала.

«Небытие, — думала я. — Где оно? Здесь? В этой комнате? Или там, в кузне? Или когда я сплю и не вижу снов?»

Я провела рукой по паркету. Гладкий. Холодный.

«Может, Небытие — это когда тебя нет в комнате, где стоят такие ковры. Когда ты не можешь даже представить, каково это — жить здесь. Не работать. Не стирать. Не бояться».

Я выжала тряпку. Вода стала серой.

«Но если меня здесь нет, то кто тогда я? И есть ли я вообще?»

В дверях скрипнуло.

Я подняла голову.

В дверях стоял Граф Эдвард Лэин.

Граф

Он был в домашнем — белая рубашка с распахнутым воротом, тёмные брюки. Без сюртука. Без галстука. Волосы чуть влажные, как будто только что мылся.

Он смотрел на меня. Не строго. Не зло. Просто — смотрел.

— Вы, — сказал он. — Новая.

— Да, милорд.

— Как вас зовут?

— Элизабет, милорд.

— Элизабет, — повторил он. — Вчера вас били.

Я опустила голову.

— Да, милорд.

— Больно?

Я не знала, что ответить. Правду? Или то, что он хочет услышать?

— Бывало и хуже, — сказала я.

Он усмехнулся. Прошёл в комнату, сел в кресло у камина. Камин не горел — утро было тёплым.

— Продолжайте, — сказал он. — Не обращайтесь на меня внимания.

Я продолжила тереть пол. Руки дрожали.

Он сидел молча. Иногда я чувствовала его взгляд — на своей спине, на своей шее, на своих руках.

— Откуда вы, Элизабет? — спросил он.

— Из деревни, милорд.

— Далеко?

— Полдня пешком.

— И вы ушли?

— Меня наняли, — сказала я. — Дама. В бархате.

— А, — он кивнул. — Знаю такую. Она часто привозит девушек. Некоторые остаются. Некоторые бегут.

— Я не побегу.

— Откуда знаете?

Я подняла голову. Посмотрела ему в глаза.

— Потому что мне некуда бежать.

Он помолчал.

— Это правда, — сказал он. — Или вы так думаете?

Я не ответила.

Он встал. Подошёл к окну.

— Вы заметили, Элизабет, что мир устроен странно? Одни рождаются в таких домах. Другие — в навозе. И никто не спрашивает, кто хочет родиться где.

— Я не думала об этом, милорд.

— Думайте, — он повернулся ко мне. — Это полезно. Особенно тем, кто родился в навозе.

Он вышел.

А я осталась стоять на коленях, с тряпкой в руке.

«Он прав, — думала я. — Мир устроен странно. Но если богам нет дела, а Небытие ждёт всех — то какая разница, где родиться?»

Я не знала ответа.

Только тёрла пол.

И ждала.

Глава 4. Серые платья и чужие тайны

Я проработала в господском доме три дня.

Полы блестели. Пыль исчезла из углов. Каминны были вычищены до черноты. Старшая заглянула однажды, провела пальцем по карнизу — и ничего не сказала. Просто ушла.

Я выдохнула.

На четвёртый день меня отправили помогать в прачечную. Там уже работали Мэг и ещё две девушки — Молли и Бетси.

Прачечная

Прачечная стояла в глубине двора, отдельно от других строений. Внутри было жарко — топили огромный чан, над которым клубился пар. Пахло щёлоком, мылом и сыростью.

Мэг стояла у корыта, стирала простыни. Руки у неё были красные, распаренные.

— А, новая явилась, — сказала она, не оборачиваясь. — Бери корыто. Вон то, свободное.

Я взяла. Налила воды. Насыпала щёлок — серую, едкую пыль. Сунула руки в воду.

— Осторожно, — сказала Бетси. Она была маленькой, с соломенными волосами и вечно испуганными глазами. — Щёлок кожу съедает.

— Я знаю, — ответила я.

— Откуда?

— Дома тоже стирала. Правда, без щёлока. Просто в реке.

— Богатая, — усмехнулась Молли. Она была высокой, ширококостной, с тяжёлым взглядом. — В реке стирала.

— Не богатая, — сказала я. — Бедная. Поэтому в реке.

Молли хмыкнула и отвернулась.

Мы стирали молча. Только вода плескалась и скрипело корыто.

Бетси

Бетси работала рядом. Она поглядывала на меня, как мышка — быстро, боязливо.

— Ты откуда? — спросила она.

— С востока. Деревня у леса.

— А я с запада, — сказала она. — Там море. И скалы.

— Красиво?

— Не знаю, — она опустила глаза. — Я не смотрела. Всё работала.

Я хотела спросить — кем работала. Что делала. Но не спросила. Сама не хотела отвечать на такие вопросы.

— А ты боишься старшей? — спросила Бетси.

— Все боятся, — ответила я.

— Мэг не боится.

Я посмотрела на Мэг. Она стояла у чана, засучив рукава, и мешала бельё длинной палкой. Лицо спокойное. Глаза — пустые.

— Она просто не показывает, — сказала я.

Бетси кивнула.

— Наверное.

Вечер

После ужина мы сидели на крыльце наших домиков. Пятеро: я, Мэг, Сью, Энн и Бетси. Над головой — звёзды. Вдали — тёмные очертания конюшен и господского дома.

— Говорят, Граф скоро женится, — сказала Энн.

— На ком? — спросила Молли.

— На какой-то леди из столицы. Богатой. Связи, земли...

— Ему лишь бы связи, — буркнула Мэг.

— А тебе что? — усмехнулась Энн. — Графский титул примерить хочешь?

Мэг не ответила. Только сплюнула в темноту.

Я смотрела на звёзды. Они были далёкими, холодными. Маленькими дырочками в огромной чёрной ткани, за которой — ничего. Небытие.

«А что, если звёзды — это не свет, — думала я. — А просто дырки. В которые утекает жизнь. И когда умрёшь — утечёшь туда. И станешь пустотой».

— Элизабет, — позвала Сью. — Ты чего молчишь?

— Думаю, — ответила я.

— О чём?

— О звёздах.

— Глупости, — сказала Молли. — Звёзды — это свет. Божий. Для нас.

— А если Бога нет? — спросила я.

Все замолчали.

— Не говори так, — прошептала Бетси. — Услышат.

— Кто?

— Все.

Я не ответила. Только смотрела на звёзды.

Пятый день

Утром меня вызвала старшая.

— Сегодня помогаешь на кухне, — сказала она. — Повар заболел. Будешь резать овощи и следить за печью.

Я кивнула.

Кухня была огромной. Три печи, длинные столы, полки с горшками и сковородами. Запах — лук, сало, травы.

Повара не было. Вместо него командовала толстая женщина с красным лицом — миссис Бейкер.

— Ты, — сказала она, увидев меня. — Чисти картошку. И быстрее, не копайся.

Я села на табурет, взяла нож. Картошка была мокрой, землянистой. Я чистила быстро — привыкла дома.

— Умеешь, — заметила миссис Бейкер.

— Умею.

— Долго ещё?

— Полчаса.

— Неси в печь.

Я отнесла. Закинула чугунок. Проверила дрова.

— Не пересуши, — сказала миссис Бейкер. — А то уши надеру.

Я не ответила.

На кухне было жарко. Пот тек по лицу. Я вытирала его рукавом — и снова бралась за нож.

Лорд Эдвард

Ближе к обеду дверь кухни открылась.

Вошел Граф.

Он был в охотничьем костюме — зелёном, с медными пуговицами. Сапоги — высокие, грязные. Он, видимо, только вернулся.

— Миссис Бейкер, — сказал он. — Есть что-нибудь перекусить?

— Сейчас, милорд. Я приготовлю.

— Не надо. Я сам.

Он прошёл к столу, взял кусок хлеба, отрезал сыру. Заметил меня.

— Вы снова здесь.

— Да, милорд.

— Как вас зовут?

— Элизабет, милорд.

— Элизабет, — он прожевал хлеб. — Вы умеете готовить?

— Немного, милорд.

— Сегодня будет ужин. Гости. Поможете миссис Бейкер.

— Я... да, милорд.

Он кивнул и вышел.

Миссис Бейкер посмотрела на меня.

— Повезло тебе, девка. Граф заметил.

— Повезло? — переспросила я.

— А ты думаешь, почему он запомнил твоё имя?

Я не знала.

Но внутри похолодело.

Вечер. Ужин для гостей

Гостей было четверо. Двое мужчин, две дамы. Все в дорогих платьях, с высокими причёсками.

Я подавала блюда. Суп. Рыбу. Мясо с подливкой. Пирожные.

Руки дрожали. Я боялась уронить тарелку.

— Эта служанка, — сказала одна из дам. — Какая бледная. Кормите её?

— Кормим, — ответил Граф.

— Может, больна?

— Здорова, — сказал он. — Просто устала. Работает много.

Я покраснела. Не от стыда. Оттого, что он заметил.

После ужина я стояла в коридоре, ждала, когда гости уйдут. Граф вышел.

— Хорошо подали, — сказал он. — Вы молодец.

— Спасибо, милорд.

— Отдыхайте.

Он ушёл.

А я осталась стоять с пустой тарелкой в руках.

«Почему он добр? — думала я. — Зачем графу обращать внимание на служанку?»

Я не знала ответа.

Только помнила взгляд старшей — когда та смотрела на меня после разговора с Графом. В её глазах было что-то. Не зло. Не зависть. Предупреждение.

Я не поняла его тогда.
Пойму позже.

Ночь

Я лежала на кровати. Спать не хотелось.
Руки ещё помнили тяжесть подносов. Ноги — усталость. Спина — старые рубцы.
Я смотрела в потолок.

«Небытие, — думала я. — Если оно есть — где оно? В смерти? В забвении? Или в такой жизни, когда ты — никто. Ничья. Только тень на чужом празднике?»

За окном ухнула сова.

Я закрыла глаза.

«Может, Небытие — это и есть моя жизнь. Между кухней и спальней. Между побоями и короткой лаской. Между надеждой и пустотой».

Я повернулась на бок.

Уснула.

Глава 5. Чужое внимание

Следующие две недели слились в один длинный день.

Я вставала затемно, работала до заката, падала на кровать и проваливалась в сон без сновидений. Спина зажила. Рубцы превратились в белые полосы — я трогала их по ночам, гладила, как старых знакомых.

Меня перестали бить. Старшая только косилась, когда я проходила мимо, но не придиралась. Может, потому что Граф запомнил моё имя. А может, потому что я работала за двоих.

— Ты бы поосторожнее, — сказала мне Мэг однажды, когда мы стирали вместе.

— В смысле?

— Не высовывайся. Не лезь на глаза.

— Я не лезу.

— А он сам лезет, — она кивнула в сторону господского дома. — Это ещё хуже.

Я не поняла. Или не хотела понимать.

Бетси

Бетси стала моей тенью.

Она появлялась рядом на кухне, в прачечной, за ужином. Молчала. Помогала. Иногда — улыбалась.

— Почему ты со мной? — спросила я однажды.

— Ты добрая, — сказала она.

— Я не добрая. Я просто устала.

— Это одно и то же.

Я не стала спорить.

Она была из западной деревни, у моря. Мать умерла в родах. Отец женился на другой, та привела своих детей. Бетси стала лишней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.